

εφελδούλος; справедливо считая, что термин δουλευτής не обозначал рабов (стр. 40), она, к сожалению, не отмечает, что анализ этого термина был уже дан в советской литературе, например в указанной выше книге Литаврина⁴; термин σκλάβος в значении «раб» встречается впервые не в XII в., как вслед за Дэльгером полагает Кэпштейн (стр. 42 сл.), но уже в документе из Южной Италии XI в.⁵

А. К.

H. AHRWEILER
BYZANCE ET LA MER. PARIS, 1966, P. 502

Большая монография французской исследовательницы Э. Арвейлер посвящена истории византийского военного флота в VII—XV вв. Автор характеризует типы боевых кораблей, экипажи, судостроительство (стр. 397—439), рассматривает эволюцию военно-морской администрации (командование, морские округа) и участие флота в политической истории империи (войны с арабами, с норманнами, переворот Андроника I, падение Константинополя в 1204 г., отвоевание Константинополя в 1261 г. и т. п.).

Книга основана на разнообразных и разновременных источниках, в том числе и таких, которые совсем недавно были введены в оборот, напр. так наз. «тактикон Икономидиса» — табель о рангах конца X в. (р. 118—122)¹. Автор стремится связать историю византийского военного флота с основными линиями социальной и политической истории империи; особенно интересна и плодотворна, на мой взгляд, характеристика административной политики Алексея I (стр. 200—205), в которой Арвейлер стремится выделить конструктивные элементы²; исследовательница приходит к выводам, близким к тем, которые независимо от нее и несколько раньше были сделаны Я. Н. Любарским³. Точно так же и при рассмотрении судеб византийского флота в XI в. Арвейлер учитывает борьбу социальных групп внутри господствующего класса (стр. 136—139).

Однако этот социальный подход к проблеме осуществляется далеко не всегда. Ограничусь одним примером. На стр. 117 исследовательница делает остроумное и справедливое наблюдение: с середины X в. византийское правительство, осуществляя экспансию на суше, оставляет военный флот в пренебрежении. Насколько обогатилось бы это наблюдение, если бы Арвейлер связала его с борьбой двух социальных сил X столетия — столичной знати и провинциальной аристократии. Легко видеть, что командование флотом находилось в эту пору в руках представителей служилой верхушки, таких людей, как Роман Лакапин или евнух Вринга, тогда как сухопутной армией командовали провинциальные феодалы: Склиры, Дуки, Фоки и им подобные. Пренебрежение интересами флота совпадает и, по-видимому, стоит в зависимости с торжеством провинциальной знати в середине X в.

И может быть, эта непоследовательность в выяснении социальной природы борющихся сил (а с другой стороны — сознательный отказ от анализа экономического развития и, в частности, торговых связей) приводит Арвейлер к построению четкой и ясной, но, на мой взгляд, несколько абстрактной схемы: история византийского флота целиком сводится к осуществлению одной идеи, la Grande Idée, как называет ее Арвейлер, — химерической идеи восстановления империи (стр. 394).

Книга Арвейлер содержит много интересных частных наблюдений, особенно по вопросам административного устройства Византии. По ее мнению, фема Карависианов никогда не существовала, а стратиг Карависианов был командующим византийским флотом (стр. 25)⁴; архонтов морских портов она считает командирами военных баз, контролирующими территориальные воды империи (стр. 61)⁵; должность друнгария

⁴ Можно было бы привлечь и статью В. А. Сметанина (Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XIII—XV веков. — «Античная древность и средние века» 2, 1963), где учтены также некоторые из рассмотренных Кэпштейн терминов, например, *ἀπὸπρῆτης* или *ψυχάρτα*.

⁵ А. П. К а ж д а н. Об одной южноитальянской грамоте XI в. — СВ, 17, 1960, стр. 319 сл. У Дэльгера заимствует Кэпштейн (стр. 97, прим. 3) и неверное положение о существовании особого чиновника — императорского работорговца.

¹ См. о нем теперь: N. O i k o n o m i d è s. Un taktikon inédit du Xe siècle. — «Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines», t. II. Beograd, 1964, p. 177—183. Арвейлер пользовалась машинописным экземпляром диссертации Н. Икономидиса.

² Ср. А. П. К а ж д а н. Загадка Комнинов. — ВВ 25, 1964, стр. 98.

³ А н н а К о м н и н а. Алексиада. М., 1965, стр. 10—13.

⁴ Ср. также Н. A n t o n i a d i s - B i b i c o u. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «thème des Caravisiens». Paris, 1966, p. 78.

⁵ В связи с вопросом об архонтах Арвейлер затрагивает спорную проблему — истолкование печати Музалонисы, «архонтисы России» (стр. 58, прим. 1). Она критикует предложенное А. Соловьевым отождествление Михаила, «архонта Матрахов» с Михаи-

флота, согласно Арвейлер, была введена только в начале IX в., и в «Тактиконе Успенского» он занимал еще скромное место (стр. 74 и сл.); только в связи с централизацией, осуществленной Василием I и Львом VI, друнгарий приобретает важное значение (стр. 98); введение должностей великого дуки и великого domestика Арвейлер связывает с реформами Алексея I (стр. 209)...

Особенно следует отметить характеристику административных преобразований в середине XI в. и, в частности, наблюдение исследовательницы относительно роли так наз. экономических секретов (Манганы, Мирелеон и др.), т. е. специальных ведомств, управляющих государственным (я бы сказал, доменальным) хозяйством (стр. 141); их развитие Арвейлер справедливо связывает с общей централизацией этого времени⁶.

Широта охвата и смелость в трактовке существенных проблем византийской истории делают книгу Арвейлер существенной для каждого византиста, даже если он не будет соглашаться с отдельными ее оценками (мне представляется, напр., что в характеристике Романа Диогена, Иоанна II, Мануила I Арвейлер оказывается излишне суровой, тогда как Константину IX Мономаху она чрезмерно симпатизирует). Но эта широта и смелость приводит в некоторых случаях к недостаточно внимательному анализу текстов и к ошибкам.

Так, на стр. 28, доказывая существование должности стратега флота (πλωρίμων), или Карависианов, Арвейлер, ссылаясь на Феофана, утверждает, что логофет Иоанн был назначен *stratège des ploimata* (= *des karabisianoï*). Однако у Феофана в указанном месте (Theoph. I, 385.6) совершенно нет технической терминологии: император, говорит Феофан, отобрал из своего флота быстрые корабли, посадил на них воинов из фемы Опсикий и назначил командиром (στρατηγὸν καὶ κεφαλῆν) логофета геникока Иоанна.

На стр. 87 и сл. Арвейлер решительно отменяет возможность того, что ἄρχων Βουλήτηρας в IX в. был болгарским должностным лицом, и считает его непременно командиром византийской эскадры в болгарских водах. Однако аргумент ее — грекоязычность печати, упоминающей архонта Болгарии, — выдерживает критики: ряд русских князей и митрополитов, как известно, пользовались мовидовулами с греческой легендой; известна греческая печать великого жупана Болгарии⁷, — а термины жупан и архонт в словоупотреблении Константина Багрянородного почти неразделимы.

На стр. 207, анализируя пассаж «Алексиады» (XIV, 8.4: т. III, р. 79.8—10), Арвейлер безоговорочно утверждает, что «скифы» Анны Комнины — это русские, и на основании этого говорит об участии русских в византийском флоте. Однако Анна, во-первых, четко противопоставляет моряков и «скифов» (οἱ μὲν οὖν ναυτικοὶ... τῶν δὲ γὰρ Σκυθῶν), а во-вторых, чуть ниже, описывает «скифов» как нехристий (ἀπίστους, παγάνους) и конных лучников, что заставляет видеть в них не русских, а печенегов или иных степняков.

На стр. 268 Арвейлер говорит об анонимном риторе, восхвалявшем Мануила I, — на самом деле речь принадлежит, как это показал П. Вирт, Григорию Антиоху.

На стр. 275 Арвейлер утверждает, что дука Крита именовался ἀνδρωπος, зависимым человеком великого дуки, командующего флотом. Она ссылается при этом на MM VI, р. 96, 125. Но на стр. 125 вообще нет ни термина ἀνδρωπος, ни упоминания великого дуки — речь идет лишь о дуке Крита Стефане Кондостефане (отмечу, что на стр. 277, прим. 2 те же места указаны как свидетельствующие о существовании претора Эллады и Пелопоннеса, хотя документы говорят лишь о Крите!). Обратимся к стр. 96. Там действительно назван «великий дука и претор» Евмафий Филокали, известный наместник Крита при Алексее I; в какой мере он реально мог быть командующим византийским флотом, мне неясно⁸. Но не в этом дело: в документе идет речь о судебном трибунале катепана Крита Иоанна Эладика и «ближнего человека святого нашего господина пансеваста, севаста, великого дуки Евмафия Филокали»; следовательно, не катепан Крита назван «человеком» великого дуки, а сам дука — «ближним человеком» императора.

Все эти и подобные неточности естественны в книге, построенной на столь обширном материале источников. В целом же книга Арвейлер — первая монография о византийском флоте — представляет большой интерес.

А. К.

лом-Олегом Святославичем. К сожалению, она не учитывает дискуссии по этому вопросу в советской литературе (последняя работа — В. Л. Я н и н. Печати Феофано Музалон. — «Нумизматика и сфрагистика», т. 2, Киев, 1965, стр. 76—90).

⁶ О развитии императорских доменов и усложнении их администрации с IX в. и особенно в XI в. см. также А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 128—137.

⁷ V. B e š e v i e v. Protobulgarische Inschrift auf einer Silberschale. — Byz., 35, 1965, р. 1—9. Надпись впервые была опубликована в 1964 г.

⁸ См. о нем: А н н а К о м н и н а. Алексиада, стр. 548, прим. 887; V. L a u r e n t. Les sceaux byzantins du Médailleir Vatican. Città del Vaticano, 1962, № 68. Евфимий упоминает также в «Житии Кирилла Филеота», где он назван «дукой» (E. S a r g o l o g o s. La Vie de Saint Cyrille le Philéote. Bruxelles, 1964, р. 146. 8—9); против него обращено стихотворное отречение Николая Музалона, из которого ясно, что Евмафий обладал реальной властью на Крите.